

Галина ОБЛЕЗОВА

Наверное, все-таки Господь Бог метит не только шельму, но и очень хороших людей. Метит особым образом, чтобы они отыскали друг друга поздно или рано. Марк Розовский и его жена Таня «помечены» невероятным сходством друг с другом — знак очень счастливых семей: чаще он приобретает с годами, в редких случаях — изначально, как у Розовских. Таню принимают то за дочку Марка, то даже за внучку. Марк Григорьевич надувает щеки и делает вид, что оскорблен.

На самом деле, какому мужику не приятно, что его любимая выглядит такой юной, хотя за плечами у нее жизнь, прожитая «до него» — в другом браке, другой среде, с другими планами... Впрочем, это ее глубоко личный багаж. Не то что у него — человека знаменитого и публичного, выстроившего когда-то на заре хрущевской оттепели «Наш дом» (театральную студию МГУ), написавшего (в соавторстве с Юрием Ряшенцевым) и поставившего «Историю лошади» (за что сразу попал в десятку лучших европейских режиссеров), создавшего театр «У Никитских ворот», куда уже много лет идет зрительский лом.

И всегда им увлекались женщины очень красивые и даже умные, и это у всего «бомонда» на виду. И он женился, развоидился, рожал детей... Потом встретил Таню — и все. Дальше можно писать роман в сентиментальном стиле Жан Жака Руссо, но с шекспировскими страстями и со счастливым, как в американском кино, финалом. Впрочем, какой финал? Их сыну Сенечке (представителю в семье ни больше ни меньше как Соединенных Штатов, поскольку рожден во время заокеанских гастролей театра и, соответственно, получил тут же американское гражданство) всего два года. Жизнь только набирает обороты!

— **«За что» выходят замуж в таких случаях, как в вашем с Розовским, — за славу, известность, талант, деньги?**

— Я — точно не за славу, не за деньги, которых нет. Конечно, мне приятно, что мой муж — Розовский, а не никому не известный слесарь Петя... Но жить с Марком Григорьевичем совсем не просто.

— **Таня, а кто вы еще, кроме того, что жена?**

— Музыкант. Закончила Гнесинский институт. 10 лет назад пришла в театр «У Никитских ворот» музыкальным руководителем, теперь еще и директор театра.

— **Служебный роман?**

— Можно сказать и так, хотя первые пять лет Розовского я абсолютно не замечала. Он пытался за мной ухаживать, как за новой женщиной, появившейся в театре. Но ничего не получилось. А потом я вдруг увидела человека совершенно другими глазами и поняла, что я и он — одна клетка, по мыслям, мировосприятию. Мы ушли из семей. Это было сложно, особенно ему — он оставил дочку Сашеньку, которая, можно сказать, выросла в театре и которую он обожал...

— **И что Сашенька?**

— Все поняла и приняла. Она меня знала много лет, мы дружили. И когда выяснилось, что папа не просто уходит, а «уходит к Тане», все встало на свои места. Папу она не потеряла, ее мама тоже устроила свою жизнь, так что Сашка существует в очень хорошей атмосфере.

— **Есть ведь еще старшая дочь Марка, от самого первого брака.**

— У нее самой уже двое детей. Младший — чуть младше нашего Сени, старший, Илюшка, — одногодочек Сашенькой. Мы с Машей тоже ровесники.

— **Как вас много...**

Кому лучше всех известны слабые и все остальные места нашего сильного пола? Конечно, женщинам. С учетом данного обстоятельства отдел культуры «ВМ» открывает рубрику «Вторая половина». Это — взгляд на людей искусства естественным

образом осведомленных о жизни своих мужчин жен, подруг, спутниц. Словом, всех дам, претендующих на роль «половины» или ею действительно являющейся. Ситуацию, когда «второй половиной» является мужчина, мы тоже не исключаем.

Дом, который построил Марк

Век, Москва, — 1999 — 8 апр. — с. 11

Служебный роман режиссера Розовского с музыкальным руководителем собственного театра завершился счастливым браком

— Да, и это, знаете, так здорово! Дети все между собой дружат, я дружу с Машей и ее мамой Ингой, которая обещает мне в случае чего рассказать, как надо обращаться с Розовским. Правда, думаю, что теперь уже я могу давать советы всем прежним женщинам Марка, как с ним надо обращаться.

— **И как же?**

— Ласково. Терпеть все его взрывы. Лаской от него можно добиться чего угодно.

— **Вроде простенько, но я совсем не уверена, что это так уж легко... Ну хорошо, вот пришел Марк вечером домой. Что он может делать по дому?**

— Ни-че-го. Если не дать ему конкретное задание, например, сходить в магазин (написать, что и где купить) или вынести мусор. Но это так сложно на самом деле... Это

было проблемой всех его предыдущих семей. Потому тему «Розовский и быт» я сняла навсегда. Ну что я буду: а-а, ты такой-сякой, не можешь гвоздя вбить? Не забывайте, Марку — 61. В таком возрасте пытаться человека изменить — занятие неблагоприятное и даже абсурдное. Ну не может он стенку просверлить — так я лучше кого-нибудь попрошу помочь, чем конфликтовать стану. Единственное, чего я от него требую, — порядка. Может, потому, что у нас долго не было своего дома и вот теперь он есть, а у Марка наконец даже собственный кабинет, и хочется уюта. Хотя бываем мы дома очень мало. К 11 утра — на репетицию, возвращаемся в 10 вечера. Ужин, газета, ТВ-новости — и день заканчивается. Когда же Розовский дома, он работает. Немножко поиграет с Сенькой (ему

нужно присутствие ребенка в доме, он от этого счастлив) — и за письменный стол.

— **Ни увлеченный, ни развлеченный?**

— Марк очень любит жизнь во всех ее проявлениях. Он очень общительный человек. Мы волею-неволей столько находимся на людях, что поздно вечером или рано утром ему просто необходимо побыть наедине с самим собой и с бумагой.

— **Он когда-нибудь отдыхает?**

— Пытается. Мы едем куда-нибудь в пансионат. Лежать на пляже он не может. По несколько часов в день пишет, это для него отдых. Проходит дней 15, и он говорит: «Больше не могу, чувствую, жизнь проходит зря, я не в своей лавке». Мы уезжаем.

— **Он настолько моторен?**

— Да, но до поры до времени. Конечно, резко менять образ жизни нельзя (как курильщику в один день бросить курить — задохнется!), но чуть-чуть нужно. Он тоже это понимает, потому что стал уставать. Чего раньше не было. А хочется жить еще долго — надо ставить детей на ноги.

— **А Розовский и теща?**

— Моя мама — большая умница. Она тоже театральная человек — в театре Табакова помощник Олега Паеловича по международным связям. С Марком они уважаются прекрасно: им интересно друг с другом, они разговаривают на одном языке. Мама нам во многом помогает: и по дому, и советами...

— **Интересен взгляд жены на режиссера Розовского. Как он, скажем, репетирует?**

— Есть режиссеры, которые дома, заранее, готовят план репетиций. Марк не такой. Я не могу сказать, что он идет на репетицию, совсем не зная, что на ней будет. Но в принципе он — генератор идей. У него так мозг устроен, что он гениально придумывает, придумывает мгновенно, идет от актеров, от обстановки, от эмоционального настроения, от погоды даже в конкретный момент... Хотя есть и генеральная линия: он знает, чего хочет с самого начала.

— **Он режиссер, умирающий в актерах, или культивирует режиссерский театр?**

— Режиссерский театр. Но актеры его очень хорошо понимают, потому что он их воспитал, многие с ним с самого начала театра, 15 лет они дышат одним воздухом.

— **Вам лично близок «театр Розовского»?**

— Очень.

— **А такая постоянная погруженность в театр не напрягает?**

— Нет. Это ведь давно и моя жизнь тоже. Мы с Марком и ругаемся только из-за театра. Иногда я говорю: вот это надо купить для дома. А имею в виду — для театра. Или Марк спрашивает: «Куда едем, домом?». Я говорю: «Да». И мы едем в театр...